

Формаслов

Москва

2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ч57

Ч57 **Чечик, Феликс**

Хорошо забытое / Феликс Чечик. — М.: Формаслов, 2022. — 116 с.

ISBN 978-5-6047566-3-8

Феликс Чечик владеет мастерством соединять родное, узнаваемое с ироничным и непредсказуемым. Новая книга поэта, с одной стороны, вбирает в себя большой опыт русской литературы, а с другой стороны, полна нетривиальных образов и ассоциаций, внезапных слияний, казалось бы, далеких вещей, понятий и слов. На фундаменте классического материала и деликатного новаторства в книге «Хорошо забытое» вырастает пространство человечности и теплоты. Этот сборник стихов — «разговор по душам без границ». Моей семье, друзьям и всем, кто уже читал эти стихи.

ISBN 978-5-6047566-3-8

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Ф. Чечик, текст, 2022
© Формаслов, 2022

Феликс Чечик

Хорошо забытое

I

«Журавли» не Гамзатова
в переводе Н. Гребнева,
из того невозвратного,
незабытого времени —
в исполнении пьяного
папы тридцатилетнего
сплю и слушаю заново,
забывая, что нет его.

Как Рембо — завязать навсегда
со стихами: забыть и забыться,
чтобы только корабль, и вода,
и матросов похмельные лица.
Озарение? Боже ты мой!
Озарение — грудь эфиопки:
нечто среднее между хурмой
и «Клико», вышибающей пробки.
Небожитель и негоциант,
путешественник на карусели,
умирать возвратившийся Дант
в госпитальном крошечном Марселе.
Как Рембо, говоришь? Говори.
Поливай и окучивай грядки,
тиражируя скуки свои
на шестом и бесславном десятке.

проснуться затемно пока
еще и птицы не проснулись
не видеть слышать рыбака
среди офонаревших улиц
несущего рыбацкий скарб
вздыхая и кряхтя под грузом
к реке где зазеркальный карп
ощупывает бездну усом
и засыпая слушать птиц
и сон увидеть на рассвете
непродолжительный как блиц
и удивительный как дети

/Феликс Чечик/

Гаэтано Доницетти —
это музыка без нот,
это пойманная в сети
птица плачет и поет.
Предпочел бергамским вязам
паутинную тюрьму,
или реквием заказан
не кому-то, а ему?
Обреченная попытка —
жить в раю, забыть про ад
и любовного напитка
выдыхающийся яд.

— Не пей с Валерой, — говорил
мой друг Володя.

А сам не зная меры пил
в плену мелодий.

— Не пей с Володей, — говорил
мой друг Валера.

А сам в плену мелодий пил,
не зная меры.

И я не спорил с ними, но
пил с тем и этим,

и как закончилось вино,
сам не заметил.

И как ушел один, и как
второй в завязке...

А я остался в дураках
из доброй сказки:

полцарства пропил, и в живых
не числясь даже,

соображаю на троих
в ночном трельяже.

Забивали на труд, выпивали на «Правде»,
огурец малосольный по-братски деля,
и не праздника ради, а веселия для.
Посылали гонца в тридевятое царство
и смотрели вослед с золотого крыльца.
А гонец испарялся: ни винца, ни гонца.
«Ничего, — говорили себе, — возвратится».
«Не беда, — говорили себе, — подождем».
А весенняя птица похмелялась дождем.
Ждали час, ждали день, ждали век — утешенье
в тишине разговоров ночных находя,
под земное вращенье и песню дождя.
И смотрели на Пину, уехав из Пинска,
где сирень отцвела и белел краснотал.
А гонец возвратился, да нас не застал.

воробьи и трясогузки
пели песни не по-русски
у могилы на краю
в мандариновом раю
у покойницы старухи
на груди лежали руки
выражение лица
в песню вслушивается

Учиться влом, в любви облом,
курить по кругу за углом
и на линейке быть распятым.
И чувствовать себя битлом —
незримым пятым.
Слесарить, и качать права,
и водку запивать чернилом.
И аты-баты, и ать-два
в ЗабВО, метельном и унылом.
Но не подсесть на озверин
от жизни бренной или бранной,
и петь про yellow submarine
бурятке Йоке полупьяной,
и снова ощутить: незрим
в своей стране, как в иностранной.
Молчи, скрывайся и терпи,
живи бездарно и безбожно,
пускай подлодкой на цепи,
но только желтой, если можно, —
чтоб в полночь получить с небес
от Джона SMS.

Смотрел на стрекоз, любовался на пчел,
завидовал жалу осы
и стал насекомым, но не перевел
на зимнее время часы.
Летал легкокрыло, как будто в раю
и даже сумел рассмотреть
фасеточным сердцем — не чью-то — свою
в мельчайших подробностях смерть.

/Феликс Чечик/

■ ■ ■

прямиком из коляски
не послушавши мать
за красивые глазки
я пошел воевать
и на первой минуте
пал в неравном бою
передайте анюте
бескозырку мою

Во двор зайду, в котором время
остановилось навсегда:
сарай, лавочки, деревья
и полуночная звезда.
Зайду последний раз впервые
загладить старую вину,
и молча медсестре Марии,
несуществующий, кивну.

/Феликс Чечик/

70-е

Хватит о воде и вате,
жизнь одна и смерть одна,
слониками на серванте
пустота посрамлена.
Выстроились по ранжиру:
раз, два, три, четыре, пять...
Граду посланы и миру.
Улетать? Не улетать?
Улетели друг за другом
гуси-лебеди мои —
к африканским летним вьюгам,
к зимним пастбищам любви.

Не усложняй! И так все сложно,
учись у декабря — смотри,
как просто, проще невозможно,
сидят на ветках снегири.
Укутанные в пух и перья,
изнемогая от жары,
они украсили деревья,
что новогодние шары.
И обмороженная ветка
предоставляет им ночлег,
и долгой ночью, редко-редко,
очнувшись, стряхивают снег.
Не усложняй! А на рассвете
проснись ни свет и ни заря
от репетиции на флейте
державинского снегиря.

/Феликс Чечик/

■ ■ ■

играю на расческе
рифмую на песке
а думаю о тоске
любви тире тоске
по той простой причине
что совмещаю я
трагедию пуччини
и легкость бытия